

В. И. Авраменко

**ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ С. ДЕ БОВУАР И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ
В ПОЗДНИХ РОМАНАХ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ**

Крупнейшими писателями французского экзистенциализма считаются Жан-Поль Сартр и Альбер Камю. Имя же Симоны де Бовуар может и вовсе не упоминаться в различных словарных и справочных статьях об этом направлении. Конечно, это – недоразумение (Бовуар – лауреат Гонкуровской премии), и все же у этого недоразумения есть вполне рациональные причины. Никто не усомнится в высочайших достижениях Бовуар на поприще

феминизма, во французском феминистском движении это и ныне фигура номер один. Как философ, однако, она сознательно оставалась в тени своего знаменитого партнера и даже подчеркивала зависимость своих идей от его философской системы. Является ли она все же самостоятельным и оригинальным философом, и есть ли у нее своя собственная, не заимствованная у Сартра, философская система?

Бовуар не написала собственно философских трактатов, таких, как «Бытие и ничто», она не создала своего метафизического учения, ее главный труд – «Второй пол» (*Le Deuxième Sexe*, 1949) – сложно в строгом смысле назвать философским произведением. В конце концов, сама Бовуар открепивалась от звания философа. В интервью М. Саймонс она говорит следующее: «Во всяком случае, Сартр был философом, а я нет; и я никогда не хотела быть философом. Я очень люблю философию, но я не создавала собственно философских произведений. Я создаю литературные произведения. Меня интересовали романы, мемуары, очерки вроде “Второго пола”. Но это не философия. В философском плане на меня повлиял Сартр. Очевидно, я не могла на него повлиять, так как не занималась философией» (A. M. Simons. *Beauvoir and the Second Sex: Feminism, Race, and the Origins of Existentialism*, 2001).

При поверхностном чтении в произведениях Бовуар действительно можно увидеть лишь отражение сартровской системы. Однако есть основания усомниться в искренности вышеприведенных слов писательницы. Уже в юности и еще до знакомства с Сартром Бовуар занимала типично экзистенциалистская проблематика: проблема Другого, «дурной веры», проблема ситуации. Как утверждает канадская исследовательница К. Дэгль, эти экзистенциалистские категории в творчестве Бовуар и Сартра приобретают различную значимость. В своих дневниках юная Бовуар писала, что хочет стать философом. И она стала им, осуществляя экзистенциалистское исследование в своих художественных произведениях и мемуарах.

Для нее проблема ситуации – совокупность биологических, исторических и других факторов, которые ограничивают свободу человека – стоит более остро, чем для Сартра. Это обусловлено, считает К. Дэгль, особым пониманием писательницей феномена сознания. На это повлиял не столько Сартр, сколько Мерло-Понти: «...Бовуар чувствует себя ближе к концепции Мерло-Понти. И что же она в ней находит? Во-первых, способ, которым Мерло-Понти закрепляет сознание в теле. С тех пор, как она начала мыслить философски, Бовуар почувствовала, как неразделимы ее душа и тело. У нее речь идет не о сознании, обитающем в теле, а о сознании, которое является телом. Это тело, которым я являюсь, о котором я думаю, которое я чувствую, буквально и есть я, который существует. Бовуар делает эту идею одной из основ своей философии» (Daigle, C. *Beauvoir: réception d'une philosophie*, 2006). Сознание – не чистая и независимая субстанция, оно неотделимо от тела человека, тело же – всегда в определенной ситуации. Телу, а значит и сознанию, постоянно приходится учитывать эту ситуацию. У тела, в конце

концов, есть пол, и если для Сартра это не было особо важным обстоятельством, то Бовуар посвятила ситуации женщины огромное эссе.

Через ситуацию Бовуар исследует экзистенцию человека, художественное же произведение прекрасно позволяет ситуацию смоделировать. Таким образом, литература у Бовуар превращается в философию. Ее некоторые романы – «Прелестные картинки» (*Les Belles Images*, 1966), «Сломленная» (*La Femme rompue*, 1968) – образуют прекрасный союз со «Вторым полом». Эссе «Второй пол» можно назвать фундаментом для всех главных тем, которые волнуют писательницу. Но оно тяжеловесно, и человеку, далекому от экзистенциализма, будет нелегко понять некоторые положения, которые защищает автор. «Второй пол» не является философским трактатом, но в этом эссе немало страниц чисто философского содержания. Поздние же романы Бовуар – как ожившая философия этих порой «суховатых» страниц.

В «Прелестных картинках» затронут целый ряд типично экзистенциалистских проблем, не только сугубо женских, но и общечеловеческих. В романе исследуются проблемы отчуждения, неистинного, несвободного существования, проблемы смысла жизни, абсурдности мира, ясности видения и т.д. Но речь рассказчицы и героини романа проста – это речь простого человека, а не ученого или философа. Это роман, который будет понятен любому читателю. Здесь нет философских тезисов и терминов, острой дискуссии, диалога мыслителей, однако проблемные ситуации, которые заставляют героиню ставить философские вопросы, а также ее рефлексия над этими вопросами, делают роман глубоко философским. Философия в романе – это рефлексия, внутренний монолог, становящийся взглядом. Этот взгляд скользит по пространству, пронизывает действия, судит слова и поступки. Философия в «Прелестных картинках» – это также и вопрошание. Роман не дублирует «Второй пол», а углубляет и «оживляет» его проблематику.

То же относится и к «Сломленной», роману о покинутой мужем женщине. Пожалуй, проблема Другого ставится в этом произведении не менее остро, чем в знаменитой «Гостье» (*L'invitée*, 1943). Моника, главная героиня романа, ищет свое Я, но это Я оказалось полностью зависимо от Другого – от покинувшего ее Мориса. Муж исчезает из ее жизни, исчезает и она для самой себя. По Бовуар, Другой необходим для существования – но он может стать и ловушкой: в том случае, если существование прячется от своей свободы. Важно отметить, что взгляд на проблему Другого у Сартра и Бовуар различный. Вот что об этом пишет К. Дэгль: «Тот факт, что Другой – это сознание, которое существует, является скандалом. Однако нельзя поступить иначе, как жить с этим Другим. Бовуар идет дальше. Недостаточно просто сказать, что мы должны “научиться справляться с этим”, важно понимать, что существование. Другого как свободы необходимо для нашего становления. Именно этим отличается ее позиция от позиции Сартра, поскольку Сартр не отрицает существования Другого и того, что мы должны научиться преодолеть».

вать конфликт, который возникает из-за отчуждающего присутствия Другого. Но он не говорит, что Другой необходим нам» (Daigle, C. Beauvoir : réception d'une philosophie, 2006).

Для экзистенциалистов задача литературы состоит в том, чтобы говорить правду о человеке, открывать о нем некое недоступное, скрытое ранее знание. Поэтому неслучайно им был так интересен маркиз де Сад. Камю уделил ему главу в «Бунтующем человеке» (*L'Homme révolté*, 1951), а Бовуар в 1972 году посвятила ему целое эссе под названием «Faut-il brûler Sade?» («Надо ли сжечь Маркиза де Сада?»). В этом эссе она пишет: «...нет иной реальности, кроме замкнутого в себе человека, враждебного всякому, кто покусится на его суверенность». Творчество и судьба де Сада прекрасно иллюстрируют это положение: «Огромная заслуга Сада в том, что он восстает против абстракций и отчуждения, уводящих от правды о человеке. Никто не был привязан к конкретному более страстно. Сад никогда не считался с “общим мнением”, которым лениво довольствуются посредственности. Он был привержен только истинам, извлеченным из очевидности собственного опыта. Вот почему он превзошел сенсуализм своего времени, превратив его в этику подлинности» (Там же). По сути, это кредо самой Бовуар и принцип ее творческого метода. Роман строится не на абстракции и условности, а на конкретном, опытном, ситуативном. Философия не предшествует роману, а рождается вместе с ним. Какая ситуация может быть банальнее и прозаичнее, чем расставание двух супругов? Но эта банальная ситуация может породить серьезную экзистенциальную проблему, и поэтому ее необходимо скрупулезно исследовать. Тщательному исследованию подвергается сама человеческая жизнь и всё, что она в себе несет, в том числе и угасание, старость, смерть. Бовуар всё вынесла на поверхность – даже болезнь и смерть собственной матери: в автобиографическом рассказе «Очень легкая смерть» (*Une mort très douce*, 1964).

Представляется, что проблема Другого, а также проблема ситуации человеческого тела являются одними из центральных в творчестве и философии Бовуар. Очевидно, что, будучи под влиянием Сартра, в своих романах она развивала всё же собственные философские идеи, а не заимствованные извне.